

5(05)
Н-34

ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

10
2016

- Чтобы кровь не лилась рекой, нам должны исправно «служить» тромбоциты
- Рождение ребёнка изменяет мозг родителей. Каким образом и почему?
- Почему интеллектуальные мобильные телефоны разрабатывают в США, а делают в Китае?
- Иммунологический «адресный» подход к лечению рака — как любой реальный подход — опирается на стремление человека жить.

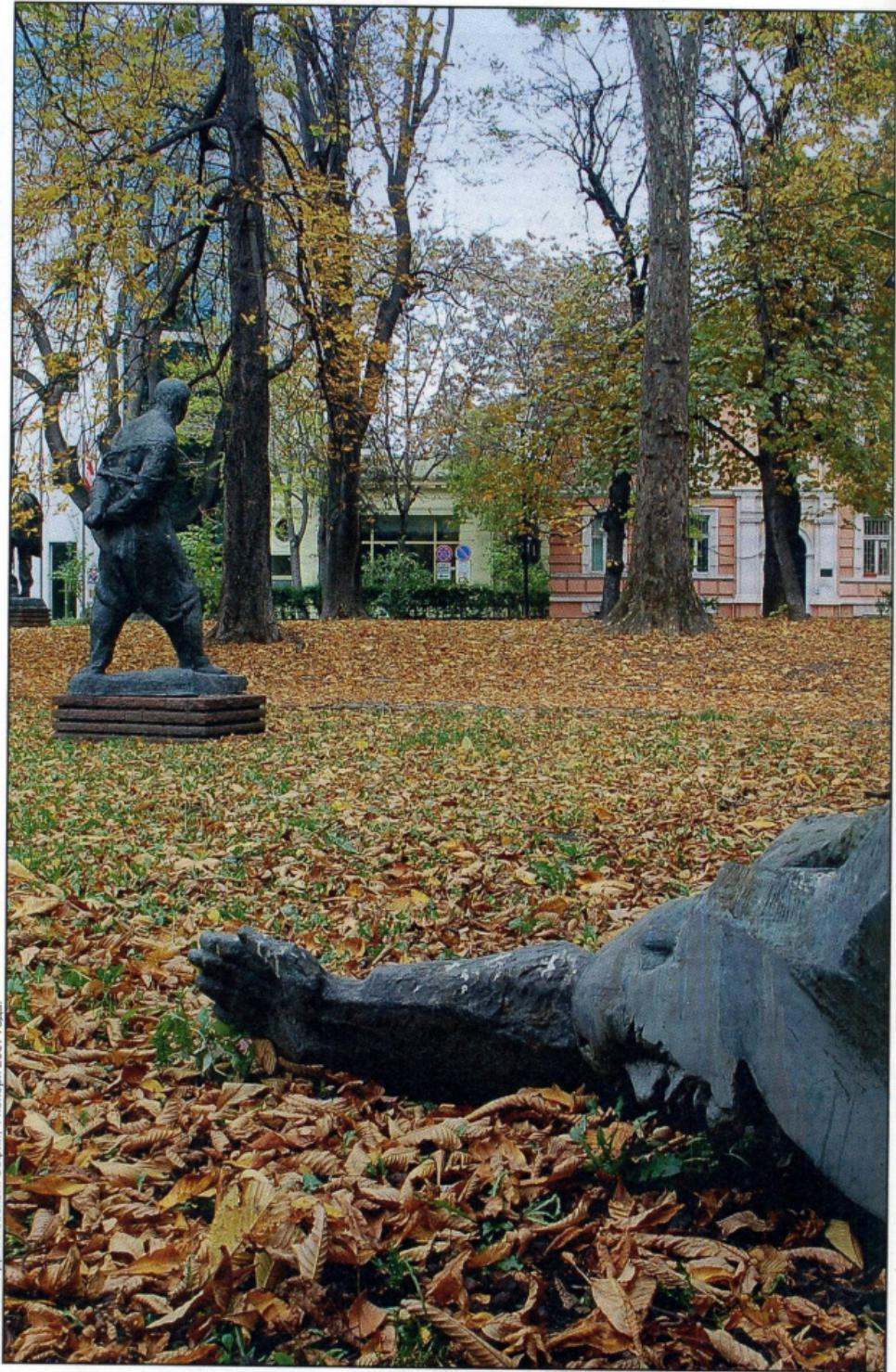

Фото Натальи Данилевской. София, 4 ноября 2007 года.

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА. ЧТО ЭТО?

(Заметки к поставленному вопросу)

Доктор исторических наук Генрих ИОФФЕ.

Без гнева и пристрастия.

Тацит

...Если определять ведущую линию — во всяком случае, одну из ведущих — внутренней политической истории России с начала XIX века до 1917 года, то можно сказать, что она — в противостоянии, в борьбе двух сил: власти (самодержавия, царизма) и того движения, которое известно как освободительное (либерализм и революционизм). Эти два течения, либерализм* и революционизм, конечно, неправильно объединять, но неверно и совершенно отдельять одно от другого: они значительно расходились в тактике, но сходились в одной из стратегических целей, которая определялась лозунгом «Долой самодержавие!». Разрыв произошёл после Февральской революции, когда этот лозунг осуществился, а окончательно они разошлись в результате Октябрьской большевистской революции.

Смысл и значение того противостояния чётче высвечиваются теперь, когда его «составляющие» — царизм, либерализм, революционизм (в лице большевизма), — последовательно пройдя свои «цикли», утратили власть. Завершённое можно оценить точнее.

«МАССА»

Смело мы в бой пойдём.

Из песни

Кто читал Ленина, знает, как часто употреблял он термины «массы», «масса». Но что такое «масса»? Народ, население страны? Ленин был политиком «до мозга костей», и он, конечно, понимал, что никакая политическая партия никогда и ни при каких обстоятельствах не способна охватить своим влиянием всю «народную толщу». Занятые повседневным трудом, обычные люди далеки от политики. Они,

в общем, безразлично относились к событиям исторического масштаба: к падению монархии, крушению демократии (Временное правительство), краху «социализма», Советской власти... Они приняли эти события и, как говорили, перешли к своим «очередным делам». Но в народе всегда существовало активное, остро реагирующее на политику меньшинство. В одном из рассказов цикла «Конармия» Исаака Бабеля будённовский боец собирается в Ростов, чтобы захватить и кончить «папашу», служившего у «белых» и пытавшего «брата Федю». Дело предстояло сугубо семейное, но нашлись «желающие ребята», готовые в нём поучаствовать. Вот такие «желающие» примкнуть, «поучаствовать» и есть «масса». Термин «масса», на мой взгляд, намного предпочтительнее термина «толпа» и по форме, и по существу. По форме он не столь «оскорбителен» (хотя тоже сомнительный «комплiment»), а по содержанию просто больше подходит. «Масса» — это то, из чего можно что-то формировать, чем можно манипулировать.

«Масса» была всегда. Она шла за Разиным и Пугачёвым и состояла тогда из крепостных. С отменой крепостничества в 1861 году стал меняться облик «массы». По мере усиливавшегося раскрепощивания деревни «масса» перетекала в города с более или менее развитой промышленностью. Менялись города, а с ними менялась и «масса».

В эссе «Революция идёт» Георгий Федотов писал: «Меняется самый характер улицы. Чиновничья-учащаяся Россия начинает давать место иной, плохо одетой, дурно воспитанной толпе. На городских бульварах по вечерам гуляют толпы молодёжи в косоворотках и пиджаках с барышнями, одетыми по-модному, но явно не бывавшими в гимназиях. Лущат семечки...»

* Русский либерализм правильнее было бы называть либерал-радикализмом..

«Лущат семечки...» Эти «семечки» в не столь отдалённом будущем станут важной приметой эпохи революции и Гражданской войны, наряду с теплушкой, залихватским матросским переплясом «Яблочко», тачанкой... Но это — впереди. А пока появилась новая для России «масса» — социально «размытых» людей, в большинстве своё уже не крестьян, но ещё не рабочих. Они — между. «Меж двор», как говорили в старину на Руси. Не потому ли эти люди чутки и восприимчивы к пропаганде и агитации, особенно в «плохие» времена? Они и становятся объектом политического воздействия, в худшем (но отнюдь не в самом редком) варианте — объектом политической манипуляции.

Что же, «масса» заслуживает лишь презрения?

Это трудная задача: понять и оценить поведение «масс» в период социальных обострений, к примеру во время войны. Лион Фейхтвангер писал, что отдал бы все тома «Пелопонесской войны» Фукидида за одну лишь страничку воспоминаний раба, прикованного к веслу боевой галеры. Конечно, «массовый человек» начала XX века — это не раб на галере. Но... Вот любопытный и многозначительный рассказ из воспоминаний князя В. А. Оболенского. Эпизод относится к началу XX века. Оболенский нанял извозчика — ехал по своим земским делам. Оба молчали. Оболенский курил. Извозчик, молодой парень, обернулся, спросил: «А мне, барин, дозвольте закурить, страсть курить охота». Оболенский протянул ему портсигар, тот взял, затянулся, потом сказал: «А иной барин так ни за что и не дозволит ямщику курить». И рассказал «историю». Ехал он как-то с другим барином, думал, что тот спит. «Ну, достал табачок, скрутил цигарку, засыпал; только спичку зажёг, чтобы закурить, а он меня, земский-то, вдруг по шее как хватит, — проснулся, значит, — я так под облучок в ноги лошадям и свалился».

«Рассказав мне эту историю вполне спокойным эпическим тоном, — пишет Оболенский, — ямщик снова повернулся к лошадям, передёрнул вожжами, и, после небольшой паузы, весело покрутив головой, добавил: — Занятно!..»

«В бурные дни освободительного движения 1905 года, когда порой казалось,

что Россия ежедневно пробегает неизмеримые пространства на пути к прогрессу и к лучшему светлому будущему, — пишет далее Оболенский, — я иногда вспоминал юного ямщика из Холмского уезда. "Занятно" слышался мне его весёлый голос. И этот весёлый голос наводил на тревожные мысли и тяжёлые предчувствия».

...Типаж человека «массы» воспроизвести нелегко. Человек «массы» стёрт, расплывчат, «растворён». И вдруг приобретает некий цвет — в группировке, в ватаге, на собрании он смел, крилив, энергичен, готов к действию. Но и тут глазами ищет предводителя, вожака, лидера. Если их нет, тускнеет, сереет, нередко делается осторожным. Максим Горький, создавая в романе «Мать» образ рядового рабочего, «ушедшего в революцию», идеализировал своего героя, хотя, конечно, были и такие, как Павел Власов. Однако и булгаковские Шариков и Швондер — это злая карикатура.

Как бы там ни было, с появлением новых, послереформенных «масс» освободительное движение разных направлений обретало среду, к которой оно могло апеллировать в борьбе с властью, среду, которую могло повести за собой. И тут уже многое зависело от политиков, точнее — от политической элиты. «Массы» без политиков — анархическая толпа, но и политики без «масс» превращаются в полководцев без армии.

РЕВОЛЮЦИОНИЗМ: СОЦИАЛИЗАЦИЯ РОССИИ

Мы перевернём Россию!

В. И. Ленин

Мы земную жизнь переделаем!

В. В. Маяковский

Традицию революционизма заложили декабристы, хотя они и были, как отметил Ленин, «страшно далеки от народа». Но положение менялось. Говоря нынешним языком, революционеры стремились приватизировать «массы»: после реформ 1861 года этим занимались народники, а с начала XX века главным образом социалисты-революционеры, а также социал-демократы (меньшевики и большевики). Работу в «массах» они считали своей естественной, так сказать, законной деятельностью.

До горбачёвской перестройки советская историография и публицистика одно-

значно геронизировали и романтизировали «пламенных революционеров» (естественно, за исключением тех, кто позднее вступил в борьбу с большевистской властью). Затем взгляд на них изменился почти на 180 градусов: в большинстве случаев их стали представлять в виде монстров, «бесов», по Ф. М. Достоевскому. Отождествление революционизма с «бесовством» широко распространялось в публицистике перестроенных и постперестроенных лет.

Как и всё в жизни, «революционный лагерь» не был единым не только с точки зрения партийности. Конечно, он притягивал множество молодых людей, движимых высокими идеалами, людей, проникнутых духом борьбы за народную свободу и готовых пожертвовать собой. Но расширение революционных рядов неизбежно вело к снижению их «качества». Прибывало немало людей, просто неудовлетворённых своим положением, не отмеченных нравственными чертами. Были озлобленные, в том числе склонные к уголовщине (таких имелось немало среди боевиков, занимавшихся так называемыми экспроприациями). Поскольку революционерам приходилось в основном действовать нелегально, в подполье, худшие качества некоторых из них нередко выходили на первый план. Этим пользовалась «охранка», засылавшая в революционные партии и группы свою агентуру, она вербовала наиболее склонных к материальным благам или наименее твёрдых в своих убеждениях.

Люди по разным мотивам и с разными намерениями шли в революцию. Но так или иначе революционер — по определению разрушитель, «подрывник». Когда начинается созидание, он «стушёвывается». На смену ему приходят совсем другие.

«Взлётом» деятельности революционеров следует, думаю, считать 1905–1907 годы — эпоху первой русской революции. Советская историография утверждала, что революция тогда потерпела поражение. Это проблематично. Да, революция была остановлена, но и самодержавие уже не осталось таким, каким оно было до революции. Его сменила «думская монархия», возникло нечто половинчатое — «конституционное самодержавие». Пожалуй, в наибольшем выигрыше оказался либерализм. Позиции же революции были

подорваны. Революционеры принудили власть к серьёznym уступкам, но после этого их деятельность пошла на спад. Многие лидеры были арестованы, другие — ушли в эмиграцию, занявшие там малоошутимыми в России межпартийными и внутрипартийными столкновениями, а то и склоками. В самой России «массовое» движение, хотя спорадически и проявляло себя, вряд ли представляло угрозу существовавшему режиму. Даже войны далеко не сразу существенно поменяла обстановку.

ЛИБЕРАЛИЗМ: «ЗАПАДНИЗАЦИЯ» РОССИИ

Западная жизнь сводит нас с ума.

Ю. Крижанич

Произнесите слово «конституция»...

П. Н. Милюков

«Порубив окно» в Европу, Пётр I открыл путь европеизации России. Но для всей огромной страны окна было маловато, хотя оно постепенно и расширялось. «Западничество» впитывали в основном верхние слои, а с ним в России стал шириться и либерализм. Н. М. Карамзин не без резона писал, имея в виду либеральные «прожекты» М. М. Сперанского: «Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет <...> чтобы подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами? <...> Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств».

Просвещённый консерватизм (в данном случае представленный Карамзиным) не следовал аввакумовскому «не нами положено, лежи оно так во веки веков», не отвергал перемен, совершенствований, реформ и т. д. Но он требовал «увязывать» их с национальными, историческими традициями. Следуя этим курсом, власть со второй половины XIX века сама стала легализовывать «осторожный либерализм». Он укоренялся в общественных организациях, в земствах, автономных университетах, независимых судах, а с 1906 года — и в законодательной Государственной думе. Однако добиться сотрудничества с либерализмом власть не смогла. Во многом это можно объяснить и тем, что либерализм русского образца практически никогда не

соответствовал тому, каким его готова была видеть власть. Он исходил из радищевского радикализма и, в сущности, сохранил такую традицию до конца. Но А. Н. Радищев не политик, он писатель, литератор. И русская интеллигенция (в большинстве либеральная) существовала в мире литературы в широком смысле слова. И. А. Бунин писал: «Вообще литературный подход к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие? Разбили, разделили её на десятилетия — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилетие определили его литературным героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров...». Литература (критическая) клеймила и осуждала действительность. В. В. Розанов подметил, что в России общественность уверовала: «Правительство состоит из подлецов, и только подлец может служить в нём». Сейчас бы сказали, интеллигенция жила виртуальной жизнью.

Литературой взращённый российский либерализм страдал тяжким «комплексом вины» перед народом — неким народолюбием, постепенно ставшим для русского либерала обязательным, иногда даже «натауженным». Особенностью этого народолюбия являлось то, что оно раздавало душу либерала. С одной стороны, он был убеждён, что как просвещённая личность вполне способен выразить народные интересы; с другой — явно побаивался народной «темноты», возможной «путачёвщины». Это, скорее всего, и определяло грань между революционизмом и либерализмом, но это же и размывало её, делало подвижной. Уверовав, что правовое государство, конституция как раз то, что соответствует общественным (народным) интересам, либерализм сделал слово «конституция» своей «идеей фикс». В ней виделось безотказное средство исцеления, развития, процветания. Но поскольку власть эту идею, не отвергая в принципе, не торопилась принять, то либерализм явно «косил налево». В революционном движении либералы усматривали свой резерв, средство, способное «давить» на власть, «путать» её, хотя и в рамках и интересах, определённых либерализмом. Власть должна была понять, что в случае своей неуступчивости либеральному течению могут открыться

шлюзы социальной стихии, и тогда... Но так как «запутивание» власти революцией не всегда достигало цели («Не запугаете!» — позднее скажет П. А. Столыпин) и власть не шла на уступки в том объёме и тем темпом, которые были желательны либеральной общественности, оппозиция либералов усиливалась, обострялась, левое её крыло становилось непримиримым. В политической жизни России умеренность, центризм, кажется, вообще перестали считаться добродетелью. Эмигрантский (первой волны) историк М. М. Карпович заметил, что характеристика «этот человек на компромиссы не пойдёт» представляла собой высшую оценку, похвалу, в том числе и для политика. С. Ю. Витте, считавший, что либерализация режима должна (и может) осуществляться последовательно и постепенно, сравнивал русских либералов с шахматным игроком, который, уже почти выиграв партию, вдруг хватает доску и начинает бить ею противника по голове. Это, конечно, значительное преувеличение, но то, что российский либерализм (в целом) склонен был форсировать свои политические требования, отражено верно.

Либералы были заворожены «западной моделью» и игнорировали российскую специфику: огромные просторы, бедность населения и прочее. Когда при Витте и Столыпине лидерам либеральной оппозиции предлагалось войти в правительство, они предложения отклонили. П. Н. Милюков почти ультимативно выдвигал требование: «Произнесите слово «конституция»». Введение конституции казалось либералам панацеей от многих бед, решением проблем.

Царский Манифест 17 октября 1905 года либералы конституцией не посчитали. Были убеждены: царь уступил «в лихорадке 5-го года», но при случае откажется от уступки. Они остались в оппозиции. И эта оппозиционность превращалась в политическую профессию. Были профессиональные революционеры, но были и профессиональные оппозиционеры.

В советской литературе образ российского либерала оказался окарикатурен, шаржирован. К этому приложил руку и бывший либерал, бывший граф А. Н. Толстой. В «Хождениях по мукам» отец его любимых героинь Даши и Кати, адвокат из Самары — ничтожество, трусливый болтун, вяжущий и красующийся в ранге министра

захудалого правительства (подразумевался Комуч). И только. В этом мало общего с типичным российским либералом.

Однако и иная крайность — идеализация либерализма — не слишком близка к реальности. Да, кадет В. А. Оболенский, заканчивая свои пространные мемуары, отмечал, что всю жизнь ценил «дух и смысл исконных идеалов человечества — Свободы, Справедливости и Любви. Эти идеалы, ныне отвергаемые идеологами тоталитарных режимов, я воспринял с раннего детства от своей матери в учении Христа. И как бы ни менялись впоследствии детали моих политических взглядов, остался им верен до конца дней». Конечно, среди либералов было немало идеалистов. Но только ли идеалами были движимы лидеры либерализма?

ЦАРИЗМ: ТРАДИЦИОННОСТЬ РОССИИ

Опасность для России одна: если она не перестанет быть Россиею.

К. С. Аксаков

Конец самодержавия есть конец России.

Николай II

Исторически власть в России была самодержавной. Социально-экономически она базировалась на крепостничестве. Вопрос об его отмене обсуждался в России ещё со времён Екатерины II. Сторонники отмены исходили как из рациональных, так и из моральных основ. Позиция их противников (консерваторов или, как часто пишут, «реакционеров») долго просто перечёркивалась. Между тем и у них были свои резоны. Вот взгляд Н. М. Карамзина. Освободив крестьян, власть освободит и помещиков от «патронажа» над ними. Ей, власти, придётся тогда взять, в сущности, всю Россию «на рамена». «Удержит ли? Падение страшно». И ведь не удержала! Попытка Столыпина укрепить расшатанный фундамент не удалась.

Отмена крепостничества и сопровождавшие её реформы (земская, судебная и другие) поставили вопрос о глубоких политических переменах. Было ясно, что приводимые в движение новые социальные силы раньше или позже должны будут получить своё место в государственных структурах и трансформировать их. Власть и поддерживающие её круги по-разному смотрели на эту перспективу.

Консерваторы во власти считали, что в принципе самодержавие не только не следует упразднять, но необходимо сохранить в его полном или фактически полном состоянии. Мотив был прост: западные политические институты не имеют корней в России и в ней не привыкли. Их введение ослабит власть, что в конце концов приведёт к анархии. Некоторые либеральные публицисты высмеивали эту «тезу». Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним... В 1914 году бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в «Записке...», поданной царю, провидчески воссоздал картину того, что произойдёт без самодержавной власти при неудаче в войне: «Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддаётся даже предвидению...»

Во власти существовала и другая точка зрения, имевшая соприкосновение с либеральной. Её сторонники соглашались с тем, что если из российского государственного фундамента уж «изъяли» одну «пружину» — крепостничество, то рано или поздно придётся изымать или существенно менять и другую — самодержавие. Если этого не произойдёт, создавшаяся с отменой крепостничества «шаткость» приведёт российское государство к «обвалу».

Для России, однако, учитывая её исторические, культурные, психологические и бытовые начала, важен не только масштаб политических реформ, но также темп и характер их осуществления. Так думали многие, в том числе даже обычно зачисляемый в разряд «ярых реакционеров» В. К. фон Плеве. Проводниками такой точки зрения стали в начале XX века С. Ю. Витте и П. А. Столыпин. Столыпин особенно подчёркивал, что необходимые преобразования должны быть прочно увязаны с российской самобытностью.

В области политических разномыслов, свойственных власти пореформенной поры, решающая роль принадлежала конечно царю — носителю верховной власти. Если реформатор Александр II разделял позицию сторонников политических реформ, то Александр III склонялся

к позиции твёрдых сторонников самодержавия —убийство отца-реформатора террористами «Народной воли», безусловно, подвигло его на это. Но полный возврат к прошлому был тем не менее невозможен. Вступивший после него (в 1894 году) на престол Николай II оказался в трудном, двойственном положении. Воспитанный в традициях самодержавия, он тем не менее сознавал, что наступают новые времена, когда власть должна будет дать простор новым общественным силам, но опасался неизведанности нового государственного пути. Император Николай II не имел твёрдости характера деда — Александра II (реформатора) и отца — Александра III («реакционера»). Его характер определился где-то «между ними». Отсюда, видимо, и проистекали его колебания, превращавшие внутреннюю политику в некие «качели». Тем не менее царский Манифест, объявленный 17 октября 1905 года, повернул Россию на путь устраниния самодержавия и создания конституционного строя. По своему историческому значению этот шаг был почти равен отмене крепостного права: в России вводились гражданские свободы, практически бесцензурная пресса и создавался парламент, пусть и не вполне ещё полноправный, — Государственная дума. Определённую часть своих законодательных прав Николай II уступил ей. Исполнительную власть (вернее, назначение правительства) он, правда, сохранил за собой. В результате Россия оказалась в некоем промежуточном, переходном периоде. Дальше открывались три возможных пути. Первый — продолжение и развитие курса Манифеста 17 октября — путь к конституционной монархии. Второй — при благоприятных (для крайне правых) обстоятельствах — «сворачивание» курса Манифеста 17 октября и откат назад. Третий — лавирование между первым и вторым путями с целью возможно дольшего сохранения *status quo*. На этот третий путь, в сущности, и встала власть. Она превращалась в «маятник», но с амплитудой, правая часть которой была всё же очевиднее. Свою опору Николай II видел в консервативных и даже в крайне консервативных кругах. Идеологически эти крути базировались на знаменитой уваровской формуле: «православие, самодержавие, народность», но политически такая

идеология в начале XX века выражалась в решительном неприятии реформ, трактуемых как подрыв традиционных основ, инициируемый Западом.

В наши дни патриотически настроенные авторы готовы не только реабилитировать правых, но и чуть ли не идеализировать их. Однако понимание, продиктованное сегодняшней политической борьбой, имеет мало общего с той действительностью. В России начала века образ «черносотенца» представлялся несколько другим. Если революционер — человек с наганом или бомбой, либерал — человек с книгой или газетой, то «черносотенец» — человек с колом. Впрочем, дело даже не в этом. Почитаемые некоторыми «черносотенцами», пожалуй, в той же мере виновны в крушении «традиционной власти», как и отвергаемые ими революционеры (плюс либералы). Ведь одни «стимулировали» других, оттеснив в сторону, так сказать, конструктивные силы. Всё, что было в России умеренного, разумного, отворачивалось от «черносотенства», которое стало отождествляться с монархией. Впоследствии, в эмиграции, многие монархисты осознали это.

СВЕРШЕНИЕ

Россия будет ввергнута в беспросветную анархию.

П. Н. Дурново

Революция — праздник угнетённых.

В. И. Ленин

Если обратиться к конкретной, только фактической стороне, то без особого труда обнаруживается: в предвоенные и военные годы ни у либералов, ни у революционеров не было сколько-нибудь значительных оснований для ожидания своего близкого триумфа. Существуют десятки свидетельств: практически никто всерьёз не думал о возможности крушения монархии, не верил в такую возможность, хотя в канун случившегося Петроград полнился тревожными слухами, связанными с убийством Распутина, подготовкой каких-то смутных «дворцовых переворотов» и т. д. Журналист «Биржевых ведомостей» буквально за несколько дней до февральского «обвала» писал: «Кругом говорят, что страна на краю пропасти. А когда она не была на нём?»

Утверждают, что война обусловила революцию. Война, конечно, усугубила тяготы

российской жизни — это так, но отсюда никак не следовало, что Россия была обречена на революцию. Другие воюющие страны переживали не меньшие трудности, но только поражение Германии вызвало там падение монархии. России же в конце 1916-го — начале 1917 года не только не грозило поражение, а, наоборот, для неё (вместе с союзниками) вырисовывались очертания победы. Фронт держался твёрдо. На голод не существовало и намёка. Хлебное снабжение в Петрограде шло практически бесперебойно. Сбой случился в февральские дни из-за снежных заносов, но не требовалось слишком много времени для его устранения. Однако протесты, демонстрации, митинги, а затем и солдатский бунт в Петроградском гарнизоне стали «раскручиваться» с такой быстротой, что историки до сих пор не в состоянии толком объяснить случившееся. Сказать: тут действовала стихия — значит ничего не сказать. Видимо, сознавая это, некоторые авторы утверждают, что движение такого масштаба, как февральско-мартовское, как раз не могло быть стихийным: за ним должна была быть «организующая рука». Чья? «Историки»-сталинисты уверяли, будто она была большевистской. Но это попросту несерьёзно: численность большевиков для петроградской «массы» была тогда ничтожной. Называются ещё две «руки»: масоны и германская агентура. Допустим. Но сколько же должно было быть этих самых масонов и этих самых агентов, чтобы вызвать петроградский «штурм» в конце февраля 1917 года? И сколько же их могло быть в действительности? Сторонникам «масонского» и «агентурного» Февраля, наверно, хватит пальцев на двух руках, чтобы их сосчитать.

Почему же и как возник февральский «штурм» такого масштаба? Историк не должен смущаться ответить на этот вопрос признанием «не знаю»...

Реакция находившегося в Ставке (Могилёв) царя на противоречивые сообщения о том, что происходит в Петрограде, была, в сущности, запоздалой. Заскорузлые бюрократы власти в столице явно растерялись и, видимо опасаясь взять на себя ответственность за принятие «крутых мер», «запустили движение»... Так или иначе, нужного человека в нуж-

ном месте и в нужный момент среди начальствующих лиц в столице не оказалось. Только через пять дней после начала революционных событий Ставка приказала снять с фронта несколько полков и направить их в Петроград для «наведения порядка». Нет сомнений, что «порядок» был бы восстановлен, если бы эти полки вошли в город, — там не было сил, способных к какому-либо сопротивлению. На первых порах взбунтовавшиеся солдаты запасных батальонов бесцельно бродили или раскатали на автомобилях по улицам.

Но «пустоту» неэффективности действий городских и правительственные властей заполнила активность думского Прогрессивного блока, возглавляемого кадетами. Суть его позиции поначалу сводилась к тому, чтобы убедить царя в том, что положение может быть восстановлено не силовыми, а политическими методами. Николай II предлагалось: во-первых, остановить движение войск к столице; во-вторых (это главное!), пойти на уступку, которую он до сих пор отвергал: согласиться на ответственность правительства перед Государственной думой, то есть сделать новый шаг по пути к конституционному строю. Из истории Февральской революции нередко как-то «ускользает» тот факт, что в промежутке между решением послать войска в Петроград (28 февраля) и отречением от престола (2 марта) Николай II поздним вечером 1 марта (в Пскове) согласился на требование думской либеральной оппозиции. Считается, что радикализм в позиции думских лидеров нарастал под давлением «массового» движения. Возможно, это так. Но такое давление и порождало у них мысль, что возникла та ситуация, которая наконец даст возможность либеральной оппозиции прорваться к власти. Предложение об «ответственном (перед Думой) министерстве» было заменено требованием отречения Николая II от престола с восхождением на него его малолетнего наследника при регентстве брата царя — великого князя Михаила Александровича. Если бы это требование не было поддержано начальником штаба Ставки М. В. Алексеевым и главнокомандующими фронтами, не исключено, что оно могло быть отклонено царём. Но он оказался один перед единодушным «советом» лидеров Думы и высших генералов. Это, видимо, и обусловило

его психологический надлом. Он подписал Манифест об отречении, но не в пользу сына — наследника престола Алексея, а в пользу брата — великого князя Михаила Александровича, объяснив это болезнью сына. Присутствовавшие в царском поезде, в Пскове, А. И. Гучков и В. В. Шульгин сразу поняли незаконность такого отречения, но для представляемой ими Думы важнее всего был уход Николая.

Если с либеральными оппозиционерами всё более или менее ясно, что же генералы — главнокомандующие фронтами великий князь Николай Николаевич, М. В. Алексеев, А. А. Брусилов, Н. В. Рузский и другие? Позже они некоторыми монархистами будут причислены к «изменникам». Но прочтите телеграммы этих «изменников», в которых они верноподданно, чуть ли не на коленях просят Николая II отречься в пользу законного наследника ради сохранения монархии. Изменники с царями таким языком не разговаривают. У них другой язык, тот, каким разговаривали с Петром III или Павлом I. Удар тяжёлым портсигаром в висок или подушка на голову... Если бы эти «изменники» знали, к чему приведёт отречение в Пскове, они, скорее всего, никогда не подписали бы тех телеграмм царю.

Однако вожди российского либерализма (уже пребывавшие в эйфории от лёгкости доставшейся им победы), по-видимому, решили идти ещё дальше. Михаилу было рекомендовано отказаться от принятия престола до окончательного решения о государственном строе России, которое должно было вынести Учредительное собрание. Вот здесь, кажется, и была совершена роковая ошибка, ответственность за которую должны разделить как уступивший либералам царь, так и либеральная оппозиция, давившая на царя, а затем на Михаила Александровича. В результате в стране фактически установилось не двоевластие, а безвластие, в котором со всей возрастающей силой развертывалась борьба различных политических сил. Отныне события во многом «раскручивались» по их чертежам или наброскам этих чертежей.

Ситуация быстро менялась. Временное правительство разных составов (в мае 1917 года в него были включены «умеренные социалисты») оказалось не в состоянии справляться со старыми проблемами и с

теми новыми, которые обрушивались на страну. Государственные «скрепы» (плохие или хорошие — это другой вопрос) разошлись, были сломаны, и анархия стала проявлять своё лицо.

Уже весной 1917 года определились две основные силы, угрожавшие режиму Временного правительства, действовавшие по разным побудительным мотивам, но парадоксальным образом способствовавшие усилению друг друга. Слева угрожал большевизм, лидеры которого, и прежде всего Ленин, видели в создавшейся ситуации уникальную возможность для захвата власти сначала в России, а затем и в Европе. Сила большевизма заключалась в опоре на наиболее пострадавшие во время войны «массы», готовые на самые экстремистские действия, в изначально «крутом» характере самой большевистской партии, в уникальном сочетании качеств её вождя — Ленина: энергии, воли к власти и искусстве тактического манёвра. Лидера, равного Ленину, не было ни в одной другой партии.

В июле большевики предприняли первую, но ещё недостаточно организованную попытку захватить власть. Правительство получило поддержку меньшевистско-эсеровского ВЦИКа, но он же фактически и вывел большевиков из-под удара. Меньшевистские и эсеровские лидеры, опасаясь усиления правых сил, сдерживали преследования большевиков. Да и в правительстве были люди, опасавшиеся роста «контрреволюции» в ходе подавления большевизма. Можно допустить, что и лично Керенский, памятя о дружбе и сотрудничестве своего отца с отцом Ленина в Симбирске, не очень стремился арестовать большевистского вождя. А после прихода к власти уже Ленин по тем же мотивам «позволил» Керенскому скрываться в подполье и выехать за границу ему и его семье...

Большевики быстро восстановили свои всё же слегка поколебленные в начале июля 1917 года ряды.

Но в конце августа на выступление решились правые, ударную силу которых составляло офицерство. Во главе находился верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов. По согласованию с Керенским подчинённый Корнилову генерал А. М. Крымов на случай нового выступления большевиков и для укрепления обороны

столицы должен был ввести в Петроград кавалерийские части. Намеревался ли Корнилов использовать ввод частей, чтобы произвести «зачистку» столицы от всех революционных и демократических элементов и установить свою диктатуру, — остаётся вопросом до сих пор. Корнилов это отрицал. Он утверждал, что имел в виду создание «твёрдой власти» совместно с Керенским. Керенский же уверял, что Корнилов рвался к введению военной диктатуры, и, убедившись в этом, объявил Корнилова изменником. Так или иначе, «путч» был организован плохо, переброска войск затягивалась, «пятая колонна» Корнилова в Петрограде никак не проявила себя. Против Корнилова единственным фронтом выступили Временное правительство, Советы и... большевики, которые отдавали себе отчёт в том, что если демократия Керенского ещё может открыть им (большевикам) путь к власти, то диктатура Корнилова, скорее всего, будет означать их конец. Корниловский «путч» провалился. Генерал Крымов застрелился.

Но итог июля и августа для Временного правительства оказался плачевным. Правые, убеждённые в том, что Керенский предал Корнилова, жаждали свержения этой демократии, пусть даже руками большевиков, будучи абсолютно уверенными, что те долго у власти не продержатся. Они злорадно хотели наказать презираемого Керенского с помощью ненавистного Ленина. Слева же окрепшие в результате провала «корниловщины» большевики готовились к взятию власти. Ленин ломал сопротивление «правых большевиков» (на заседаниях ЦК в канун Октября большинство голосовало против захвата власти путём вооружённого восстания.). Они опасались, что последствия возможного провала «нового июля» могут оказаться намного более тяжкими, и предлагали идти к власти демократическим путём, связывая это со съездом Советов или с Учредительным собранием. Но ленинский «курс на вооружённое восстание» брал верх...

Меньшевики и эсеры (единственная поддержка правительства), страшась в те дни контрреволюции справа больше, чем большевиков, вновь — как и в июле — занимали «полубольшевистскую позицию». Они тоже не считали, что «большевистское господство» может продлиться долго. Впрочем, сразу после Октября в своё

«долгожительство» не очень верили и сами большевики. Ленин с удовлетворением подсчитывал, на сколько дней большевизм уже пережил Парижскую Коммуну...

Развал в стране достиг такого уровня, что казалось: ни одно правительство, не имея сколько-нибудь широкой политической поддержки, не сумеет справиться с создавшимся положением. Знали: закон всякой политики — расширение опоры, поиск союзников, блокирование с близкими по программам партиями. Были убеждены: любое политическое сектантство обречено. Это подтверждала политическая история Запада, а «умеренные социалисты» были сплошь западниками. На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, где решался вопрос о власти, они не нашли ничего лучшего, как в знак протеста против большевистского восстания... покинуть съезд. И, как писал Н. Н. Суханов, лишь «развязали руки большевикам».

Всё произошло вопреки их логике. Ленин считал: в России «политические союзники» способны лишь ослаблять друг друга и в конце концов их «общий фронт» развалится. Он был убеждён: надо «бить» пусть маленьким, но крепко скатым кулаком. В своём «лагере» он доводил раскол и «отсев» до создания прочного ядра. И... выиграл.

Как это ни парадоксально, но большевикам помогла... гражданская война. Она ещё больше сплотила их. Она сняла с них необходимость немедленного решения множества проблем, которые поставило перед ними их совершенно новое положение — положение партии власти. Один из умнейших меньшевиков Ю. О. Мартов писал, что большевики есть истинно «воюющая партия». Они даже ищут врага. Борьба, преодоление — их стихия. В «аскезе борьбы» они «расцветают», тут — сфера проявления их энергии и воли. Мирное, «обычное» развитие, которое требует осторожности, профессионального опыта, знаний, часто ставит их в тупик. Ленин не страшился гражданской войны, он готов был к ней. Только она (конечно, в случае победы) позволяла осуществить социальный переворот «на всю глубину». Ни одна другая партия либерально-демократического характера не способна была вести войну так, как её вели большевики.

Многое из теоретического багажа, с которым они шли к власти (например, ленинский «cateхизис» «Государство и революция»), было на деле отброшено. Централизация власти достигла такого уровня, что антибольшевистской среде советский режим стали называть «комиссародержавием». Был построен «военный коммунизм» (а вот «военного антикоммунизма» противники большевиков создать не смогли), установлена жёсткая дисциплина на фронте и во фронтовых тылах. Троцкий отдавал под «расстрельный ревтрибунал» в первую очередь коммунистов и командиров, по тем или иным причинам не выполнивших свои обязанности. Красная Армия, по его словам, создавалась «приложением к ранам калёного железа». «Буржуазная мораль» попиралась без колебаний.

Декретами о мире и о земле всякая почва из-под антибольшевизма выбивалась начисто. Как заметил один из «белых» идеологов Н. Н. Чебышев, в политической сфере антибольшевизм был просто обречён на «невоз реформ»: большего, чем большевики, обещать было невозможно. А они обещали «массе» небо в алмазах. И действительно, люди вчера ещё в косоворотках и сапогах становились губернаторами и генералами.

У «белых» практически отсутствовало политическое руководство. Их верхи идеологически, пожалуй, ближе всего были к кадетизму и кадеты находились в гражданских органах «белых» армий. Но высшее руководство повсюду осуществляли генералы. Они поддерживали лозунг «непредрешения» государственного строя России до победы над большевиками. По их расчётом, этот лозунг должен был сплачивать различные антибольшевистские силы — сторонников самодержавия, конституционных монархистов, кадетов, даже часть правых эсеров (в Сибири). В ходе войны он ещё «работал», хотя и тогда не мог ликвидировать всех имевшихся противоречий. А в случае вожделенной победы? Верховный правитель А. В. Колчак заявлял, что после свержения большевиков будет созвано Национальное (или Учредительное) собрание, но не то, которое разошлось от «одного окрика матроса». Какое же? Колчак не ответил.

Ответил Ленин. «Учредилка», писал он, если её и соберут «белые» генералы, будет «собранием медведей», водимых этими генералами «за кольца, продетые в нос». Ленин знал, что писал. Ведь и сами большевики, идя к власти, настойчиво требовали безотлагательного созыва Учредительного собрания. Но когда власть оказалась в их руках, они поставили на нём крест. В гражданской войне демократической «середине», которую выражало Учредительное собрание, места не было, как не бывает борда в огне...

«Белые» фронты действовали разъединённо, в их среде не прекращалось противостояние между «антантафилами» и «германофилами», между демократическими элементами — сторонниками Февральской революции и правыми, среди которых было немало и монархических «реставраторов». По признанию самих «белых», на методах и способах их действий лежала тяжёлая печать дореволюционной бюрократической рутинности. Так и слышится отчаянный возглас Колчака: «Людей! Дайте мне людей!». В «белых» тылах ширились очаги разложения и коррупции — результат чувства обречённости, не покидавшего многих.

В искусстве агитации и пропаганды «белые» не могли подняться выше утверждений о большевиках — немецких агентах и оголтелого антисемитизма. Напрасно представители «белых» армий за рубежом — члены «Русского политического совещания в Париже» (Г. Е. Львов, В. А. Маклаков и др.) уверяли хотя бы как-то «прикрыть» реакционные вожделения. Но и Колчаку и Деникину это плохо удавалось.

Очень скоро обе стороны — и «красные» и «белые» — отказались от иллюзии армейского добровольчества, веры в то, что их сторонники будут сражаться друг с другом по идеино-политическим соображениям. Под свои знамёна они «собирали» в принудительном порядке, путём мобилизаций. В сражавшихся лагерях находились люди, принадлежавшие к одним и тем же социальным слоям. И там и там рядовую «массу» в основном составляли крестьяне, командование — старое офицерство из дворян, чиновничество и т. п. Дезертирство и переход на другую сторону были характерны как для «красных», так и для «белых».

Гражданская война в России (1917—1922) поистине была полна парадоксов. Даже «иностранный военный интервенция», которая должна была стать поддержкой антибольшевизму, обернулась в пользу «красных». В масштабах России она имела локальный характер, значительной помощи «белым» не оказала, но позволила большевикам пропагандистски представить свою борьбу патриотической защитой отечества от мирового империализма. Как писал в 1920 году российский посол в США Б. А. Бахметьев В. А. Маклакову, «иностранные вмешательство было и есть основное зло русской жизни и более всего способствовало укреплению власти большевиков». Национальный лозунг «белых» переходил в стан «красных» интернационалистов. Так получилось, что «иностранный интервенция» впервые дала большевикам возможность почувствовать себя выразителями не только классовых, но и государственных интересов.

И всё же: означает ли сказанное, что «белые» были обречены? Могли ли они выиграть? Факты дают основание положительно ответить на этот вопрос. Всё зависело от исхода сражений на полях войны, а военное счастье переменчиво. Не раз — и в 1918-м, и в 1919 году — «красные» находились на краю поражения (в Москве даже готовились к уходу в подполье), но допущенные «белыми» генералами просчёты позволили большевикам «удержаться». И свершилось. Монархия пала. Либерализм и демократия обанкротились. Революционизм победил.

ЦАРИЗМ: В ТУПИКЕ ЦУГЦВАНГА

Нельзя, но надо. Надо, но нельзя.

Изречение

Не изменяй теченья дел.

А. С. Пушкин. Борис Годунов

Да, Николай II добровольно отрёкся от престола, а великий князь Михаил добровольно отказался от него. И в обоих случаях эта «добровольность» была вынужденной, она явилась результатом мощного давления либеральной оппозиции. Поражает другое — падение монархии почти никто не оплакивал! Ни одна из «белых» армий не поднимала знамени её реставрации, хотя бывших монархистов в

них было достаточно. В сущности, не была даже предпринята сколько-нибудь серьёзная попытка освобождения арестованной царской семьи. Феномен нелёгкий для понимания, несмотря на то что предлагаются разные толкования...

А самодержавная монархия была той силой, которая создала Русское государство и Российскую империю. Это — исторический факт. Но с «прорывом» России на Запад, в Европу, как уже отмечалось, идеи либерализма и революционизма стали активнее овладевать интеллигентскими слоями российского общества (почва для этого была). Это не могло не коснуться и власти, сознавшей, что перемены в государственном строе, диктуемые временем, необходимы. Уже Екатерина II предстаёт как «либеральная государыня» (особенно в первой половине царствования). Александр I тоже «либерал». Кончается это декабризмом. И начинается откат (хотя и неполный). Николай I — самодержец. Провалы (внешнеполитические и внутриполитические) направляют политическую волну в обратную сторону: Александр II — «либерал» и реформатор. Финал: он убит революционерами-народовольцами. Александр III поворачивает руль, хоть и не на 180 градусов, но «самодержавное начало» укрепляется. К концу века у власти в России новый император — Николай II. На его плечи история и возложила задачу выбора: «вправо или влево?». К укреплению «исторической власти» — самодержавия (не исключающего и проведения некоторых реформ) или к конституционному строю? Что сделает главным: «сохранять или менять?». Выбор всегда тяжёл; выбор, от которого зависит судьба страны, тяжёл многократно. «Справа» от Николая II требовали: «не поступаться принципами!». Не отдавать Россию чуждым ей западным, либерально-демократическим принципам! Императрица Александра Фёдоровна призывала супруга: «Будь Иваном Грозным, Петром Великим, пусть все почувствуют твой кулак!» Он отвечал: нет, управлять надо, «играя поводами»: то натянуть, то отпустить. Так он и делал. Он считал, что Россия нуждается в самодержавии, но сам не был самодержцем по природе, по натуре. Одному из министров он признался: «Я придерживаюсь самодержавия не для своего удовольствия; я действую в

этом духе только потому, что убеждён: это нужно для России, а если бы для себя, я бы с удовольствием от этого отдался».

И он шёл, повторим, то вправо, то влево, что ни к прочному укреплению самодержавия, ни к введению конституции не вело. Он шёл между, а потому получались «половинки самодержавия» и «полупарламентаризм». Это раздражало и отталкивало правых, этим же он возбуждал против себя левых. Путь, по которому двигался Николай II, обрекал власть на изоляцию. И пришла «распутиниада», то есть то, что возмущало правых, а в руки оппозиции давало оружие компрометации царской четы, а следовательно, и монархии...

Ни Ходынка, ни Цусима, ни даже 9 января 1905 года, думается, не могли нанести режиму такого удара, как «распутиниада». То была большая политическая игра. В ней либеральные оппозиционеры (Гучков и другие) использовали «тобольского Зарастру» для подрыва престижа верховной власти не только политически, а намного хуже того — нравственно, морально. И когда Николай II отрекался от престола, он записал в дневнике 3 марта 1917 года: «Кругом трусость, обман, измена». Некоторые же монархисты, напротив, тогда считали, что это он «изменил» монархии. Нововременский публицист М. О. Меньшиков писал в «Дневнике 1918 года», что Николай II отказался от власти, от престола, точно «престол — кресло в опере, которое можно передать желающим». Так ведь и народ перешёл в демократию, а затем в «социализм», по словам В. В. Розанова, «точно в баню сходил и окатился водой». Это теперь в память убиенного царя возводят храмы. А тогда... Меньшиков не удивлялся, когда после убийства царской семьи в Екатеринбурге никто не содрогнулся. «Ещё гордиться будут, баухаутиться! Вот, мол, мы какие-сякие, знай-ста наших! Уж если царю башку свернули, — сторонись, мать вашу так! Всех переколотим, перепотрошим! И сделают»...

Могло ли всё быть иначе?

Утверждают, что реформы в России — это «побочный продукт» революции. Следовательно, если бы царь провёл «достаточные» реформы, то он мог бы снять угрозу революции. Разве? Реформы Александра II — прежде всего, конечно, отмена крепостничества — своими отдалёнными

последствиями имели революцию 1905-го, да и 1917 года. Реформа Николая II (Манифест 17 октября 1905 года) не только не остановила революционное движение, но, напротив, резко активизировала его. Постсоветская историография превознесла столыпинскую реформу. Однако и она, пожалуй, не только не сняла аграрный кризис, а, наоборот, обострила его. Была сделана ставка на «сильных». Но вот В. А. Маклаков заметил, что для того, чтобы добиться успеха, надо равняться как раз по слабому. «Кавалерия идёт шагом, а не пехота бежит за ней рысью», — писал он. Столыпинская реформа (правда, не успевшая завершиться) отбросила массу крестьян в революционную анархию. В гражданскую войну они нередко расправлялись со своими «мироедами» (кулаками) круче, чем с помещиками. И горбачёвская реформа (перестройка), отнюдь не вызванная массовым движением «снизу», перешла в ельцинскую революцию. Можно, пожалуй, сказать, что реформы в России были «побочным продуктом» неудачных войн — Крымской, Японской, Первой мировой... а вот революции являлись «побочным продуктом» или, лучше сказать, продолжением реформ. И этому есть объяснение. Давно замечено, что самое опасное время для режима наступает тогда, когда он, желая «усовершенствоваться», встаёт на путь перемен. Именно в этот момент он и становится наиболее уязвимым и все его противники переходят в решительную атаку. Николай II, конечно, понимал это. Он опасался реформ, но сознавал, что некоторые — неизбежны. Он попал в ситуацию, которую можно определить словами: «Надо, но нельзя; нельзя, но надо». А история настойчиво стучалась в его дверь: Ваше Величество, решайтесь! Надо делать выбор! Решайтесь!

Когда в марте 1881 года был убит реформатор Александр II, в похожей ситуации оказался новый император Александр III. Либералы требовали идти дальше, дальше, дальше по пути реформ. Аober-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев писал царю: «О, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель России и Ваша: это ясно для меня как день».

...До перестройки монархизм и последование Романовы были почти забыты. Но

в перестроочные и постперестроочные годы положение резко изменилось. Начался настоящий «романовский бум» с мотивом признания вины и покаянием. И в наши дни многим хотелось бы, наверное, шепнуть Николаю II примерно то же, что говорил Победоносцев Александру III: «Не верьте, Ваше Величество, либералам, не слушайте их! Реформаторство в России — опасный огонь, который может погубить страну и Вас...»

ЛИБЕРАЛИЗМ: НА РУИНАХ ИЛЛЮЗИЙ

*Мы борьбу прекратили...
Новой революции для России
не пожелаем.*

В. А. Маклаков

Либерализм прошёл строгую проверку почти одновременно с царизмом, с разницей в восемь месяцев, когда, пожалуй, с не меньшей лёгкостью, чем монархия, пало Временное правительство.

Какое великое ликовование вызвал Февраль 1917 года! Россия наконец избавлена от того, что так долго давило и сдерживало её, что препятствовало её развитию и процветанию, её «превращению в Англию» (или во Францию): больше нет самодержавия! Либеральная аксиома гласила: самодержавие — вот главный источник зла. Так жить нельзя! И вот его нет. Карфаген разрушен! Если и будут трудности, то теперь, когда Россия стала свободной, демократической страной, демократический же Запад ей поможет, поддержит. Революционеры (большевики) рассчитывали на «братьскую помощь» западного пролетариата, либералы — на «братьскую помощь» западных правительств. Но спрашиваю: «Чем ярче эйфория, тем тяжелее отходняк».

Очень скоро стало очевидно: с исчезновением царизма жизнь в стране не только не улучшилась, но, напротив, — ухудшилась и продолжает ухудшаться. Концепция премьера А. Ф. Керенского летом 1917 года была завалена письмами: «При царе было лучше! Уходите!» Сатирики шутили: дали народу Шекспира, забыв, что он прежде всего нуждается в сапогах. А свобода... Свобода всё больше и больше превращалась в анархию, в «беспредел», как бы сейчас сказали. Можно ли было найти какой-то выход из углублявшегося

кризиса, чтобы получить время для манёвра? Вероятно, можно. Казалось даже, что он лежал на поверхности: Россия уже не выдерживала тяжесть войны, армия после Февраля разваливалась на глазах. Что же союзный Запад? Политический взгляд Запада на новую, демократическую Россию, в сущности, остался таким же, каким был и на Россию царскую: сугубо pragmatischem. Россия должна воевать до победы над врагом — Германией и её союзниками. Можно ли за это осуждать Запад? Западные страны вели свою «линию» так, как и должны её вести великие государства, превыше всего ставящие собственные интересы. Это есть то, что называется *real politik*; другая политика — блеф.

Получив вожделенную власть, либерализм быстро узрел свою «коренную» иллюзию: отнюдь не только самодержавие (или то, что от него сохранилось к Февралю 1917 года) — причина всех бед и зол на Руси, истоки их лежат значительно глубже. «Веховцы» — эти «ренегаты» либерализма и революционизма — оказались правы: одни политические перестройки мало что меняют, а если и меняют, то при поспешности и необдуманности перемен могут привести к худшему. Как будто бы подтверждалась слова К. С. Аксакова из его записки «О внутреннем состоянии России», представленной Александру II в 1855 году: «Опасность для России одна: если она перестанет быть Россиею».

Так или иначе, реальность показывала: Англии из России не получилось и не получится. Пройдёт немало времени, и станет ясно другое: сама Англия (и иные западные демократии) не соответствовали тем радужным представлениям, которые будоражили либеральные российские умы. В эмиграции Керенский признал: «Той Европы, которую носила в своём сознании русская интеллигенция, никогда вообще в природе не существовало. Мы думали, что там, за далёкими, бескрайними русскими просторами, вдали от жестокой царской реакции есть блаженные страны всяческого демократического и гуманистического совершенства! Увы, этой, я бы сказал, "русской Европы", созданной по образу и подобию наших собственных политических идеалов, мы, оказавшись в эмиграции, нигде не нашли». Вообще говоря, у Керенского это странновато

читать. Неужто он не знал, что, например, в «Былом и думах» А. И. Герцен писал о «мещанстве европейского духа»?

В эмиграции же появились «кающиеся либералы», с сожалением и горечью смотревшие на свой бывший радикализм. А. В. Тыркова-Вильямс не могла забыть эпизод времён Гражданской войны: разговор с мужиком в поезде, который скрупленно сказал: «Какая была держава, а что господа с ней сделали...». В. А. Маклаков писал, что в большей степени вина за «кобвал» России лежит всё же на либералах, которые должны были искать пути сотрудничества с властью, тем более что, по его мнению, она с большими или меньшими колебаниями, но шла на это. С Маклаковым не соглашались Милюков и другие. Милюков утверждал, что никакое соглашение не было возможным из-за неуступчивости царя и его окружения. «Сама самодержавная власть, — утверждал он, — не оставила другого пути к конституции — кроме революционного». Но, пожалуй, ближе к истине был П. Б. Струве, считавший, что грех лежал как на тех, кто «штурмовал стены», так и на их защитниках. Впрочем, споры эти имели сугубо историческое значение. Хотя... Автор биографии Струве С. Л. Франк через десять лет после революции как-то напомнил ему о его радости и ликовании в «медовый месяц» (март) революции. Струве нахмурился и ответил: «Дурак был!». В этом было и предупреждение...

Когда в 1945 году советский посол в Париже примет делегацию «белых» эмигрантов, от её имени В. А. Маклаков скажет: «Мы борьбу прекратили... Мы знаем, что стоит стране революция, и ещё новой революции для России не пожелаем». Правда, за это Маклакова жёстко критиковали.

В наши дни либерализм занимает в народном сознании примерно такое же место, какое до перестройки занимал романовский монархизм. Причина: политическая и моральная самодискредитация либералов ельцинского периода (1990-е годы). Многие черты этих либералов переносятся на «тех». Но между ними большая разница. И не только в уровне интеллектуализма. Если для либералов начала XX века важнейшим словом было слово «конституция», то для современных

таким словом является «бизнес». Ко многим из них можно отнести фразу Бертольда Брехта: «Хватит говорить о свободе, правах человека и т. д. Покажите лучше ваши банковские счета».

РЕВОЛЮЦИОНИЗМ: В СЕТЕЯХ ТЕРМИДОРИАНСТВА

*Якобинцы не пали, они переродились.
Революционная власть вступает
в компромисс с жизнью.*

Н. В. Устрялов

Советская (большевистская, «коммунистическая») власть, объявившая себя законной преемницей, наследницей российского революционного движения, просуществовала почти три четверти века. Поэтому формально можно считать, что лишь к концу века идеи революционизма прошли проверку. Но это только формально. Фактически же революционизм, в лице большевизма, пришедший к власти в октябре 1917 года, переродился намного раньше, превратившись в номенклатурно-олигархическую власть. Практически она имела мало общего с тем, с чем продолжала себя связывать. За исключением, пожалуй, идеологической оболочки.

Заблуждения российского революционизма обнаружились уже в начале 1920-х годов. Прорвавшимся к власти большевикам события как бы сказали: «Начинайте! Здесь Родос, здесь прыгай». Они «прыгнули», а когда «приземлились», увидели вокруг себя, по словам Ленина, Россию, напоминавшую чуть ли не до смерти избитого, измученного, совершенно обессиленного человека. Его не во что было одеть, нечем накормить-напоить. Ещё Мирабо говорил, что разница между теоретиками и практиками состоит в том, что первые передвигаются по географической карте, а вторые путешествуют по земле. Вот тогда-то Ленин и произнёс фразу, которую, в сущности, следует рассматривать как подпись, заверяющую акт о практическом банкротстве большевистского революционизма. «Нам нужно пересмотреть весь наш взгляд на социализм».

Как?! И это говорил победитель, триумфатор?! И что значит «пересмотреть»? Пересмотром стала новая экономическая политика — НЭП. Допускался капитализм, который должен был вступить в

соревнование (борьбу) с «социализмом» по принципу «кто кого».

Но даже «старые гвардейцы», идеиные революционеры, «помазанные» большевики, не говоря уже о множестве «приимавшихся» к большевизму, во всём это уже мало верили или совсем не верили. Маяковский в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» горько сетовал на то, что многие без Ленина «отбились от рук». Но они не «отбились». Они «прибились» к партии, и были это совсем иные люди, люди другого времени, когда, говоря словами Н. В. Устрялова, «начался отлив революции». Черты партийного мещанина и карьериста становились всё более явственными. В одной из своих последних статей сам Ленин писал о необходимости хотя бы нескольких десятков человек, которые ничего не взяли бы просто на веру, а главное — не пошли бы против своей совести. Какая тоска чувствуется в этих словах! Идеалист Буженинов (из повести А. Н. Толстого «Голубые города»), мечтавший о послереволюционном «голубом городе», в бессильной ярости поджигает старый город, погрязший в нэповской обывательщине. Этот пожар для него, контуженного и израненного на Гражданской войне, — ответ на кричащий в душах очень многих вопрос: «За что боролись?!» «Аскеза борьбы» кончалась.

Когда нэпманы, прошедшие через «правёж», отдали государству всё, что у них было, «товарищ Сталин» послал НЭП «к чёрту», но... Сохранив революционный флёр, он практически ничего не оставил от революционизма. Страна постепенно возвращалась туда, откуда либералы и революционеры стремились «вывести» её с начала XIX века.

Да, над страной разевался красный флаг. Но перерождение шло. И красный цвет флага переставал быть символом революционности, он превращался в символ государственности, обновлённого самодержавия — «генсекодержавия».

Российский революционизм вступил в фазу своего термидора. Николай Устрялов, «сменовеховцы» осознали этот феномен даже раньше, ещё в самом начале 1920-х годов.

Термидор, термиорианство в широком понимании не есть акт, ставящий точку в развитии революции некой силой «из-

вне». Они вырастают из неё самой, из её «нутра». Наполеон говорил, что, если бы Робеспьер сохранил власть, он бы перестал быть якобинцем и восстановил «царство законности». Другое дело, что термиорианство может иметь разную продолжительность. Большевистский термидор по разным причинам затянулся до времени «горбачевизма — ельцинизма».

Говорят, нет пророка в своём отечестве. У нас пророки были, по крайней мере таковыми оказались Пётр Дурново и Николай Устрялов. Дурново предвидел падение монархии, приход к власти либералов, их банкротство и триумф экстремистского революционизма. И как бы продолжая это предвидение, Устрялов предсказал дальнейшее «выхолашивание» революционизма, его перерождение в государственность, где традиция во многом отодвинет «плоды» революции...

Излишне говорить о субъективности этих заметок. Прошлое не оставляет истины будущей историографии. Оставляет проблемы. Но ей дано понимать их. «Не плакать, не смеяться, не ненавидеть, а понимать» (Спиноза).

Фото Наталии Даниловой. Москва. 24 октября 2016 года.